

Дом, который построил СОН

Нет ничего скучнее чужих снов.
Франсуаза Саган

Смерть странным образом преображает людей. Делает их жизнь более значимой, придает вес словам, поступкам. Гипертрофирует образ умершего в сознании знакомых...

Я почти не знал Сальву. Теперь я это понимаю.

Я смеялся вместе со всеми над его выходками, крутил пальцем у виска, когда он выдавал на-гора очередную истину, понятную только для того, кто вырежет себе сердце ложкой и заставит остальных на него глядеть. Я видел страстную натуру, но не замечал таящихся за ней мыслей.

Глядя на повешенное тело в полутемной комнате, завешенной тяжелыми бархатными занавесями с вышитыми на них золотой нитью херувимами, я осознаю это особенно четко. «Динь-дон, динь-дон» поют колокольчики, пришитые к сюртуку мертвеца.

– Еще ни разу не встречался с таким, – пораженно говорит Йен. Он стоит перед Сальвой и, будто зачарованный, разглядывает покачивающегося по затухающей амплитуде знакомого незнакомца. Отражение Йена на зеркальном полу, такое же старое как и оригинал, восхищенно покачивает головой и цокает языком, но я не слышу звука.

Зеркальная комната снимает шелуху моральных догм, обнажая темную сторону души. Я уверен в этом, так как мое собственное изображение смеется и тычет пальцем, показывая на бьющуюся в истерике двойняшку Анны.

– Бесконечное падение, – Анна говорит уверенно, ее голос беспристрастен, но по зеркальному двойнику видно, что она в отчаянии. – Зачем он это сделал? Зачем покончил с собой, да еще таким странным образом?

Мы с Йеном, словно два болванчика-амулета, прикрепленных присосками на передней панели авто, одновременно качаем головами. Я замечаю, что поневоле попадаю в ритм с качающимся телом.

Сальва действительно поступил странно. Я нашел его записку с просьбой всем собраться в Зеркальной комнате у себя в кабинете – так я называю нижнюю пещеру в Замке, где провожу большую часть времени. В ней говорилось, что Сал, наконец, нашел способ унести отсюда ноги и поэтому просит незамедлительно подойти к нему. И еще несколько слов о том, что Йен будет в бешенстве и его работа бесполезна, так как Сальва нашел Книгу.

Я затягиваюсь, чуть покусываю мундштук трубки, терпкий дым проникает в легкие. Смотрю на висельника, на толстый жгут, обернутый вокруг его непропорционально длинной шеи, и вижу одну и ту же деформированную натяжением веревки картинку. Бесконечное падение в забранную облачными массами бездну. Подростковый комплекс, связанный с взрослением и первыми шагами в новую, неизвестную жизнь, не опираясь на родительскую опеку. Сон – изощренное орудие казни. Сальва неоднократно говорил, что до смерти боится саранчи, и я подсознательно был уверен – уйди он из жизни, в этом следует винить именно насекомое. Но никак не удавку, свитую из циклично повторяющегося кошмара. И особенно не теперь, когда спасение почти осязаемо ложится в руку.

Ложилось. Именно так. Смерть великого возмутителя спокойствия, как себя называл Сальва, вернула нас в самое начало. И мы опять не знаем, как выбраться из этого чертова сна!

***

Некоторое время спустя мы вновь собираемся вместе. Из широкого мраморного балкона, заполненного маленькими круглыми столиками, покрытыми облупившейся

белой краской и алюминиевыми барными стульями, открывается печальный вид на непостоянную фата-моргану.

Я провел время, пытаюсь взять чужое сновидение приступом. А зачем выдумывать что-то еще, если грубая сила может решить проблему быстро и просто? Александр ведь недолго мучился над Гордиевым узлом?

Я спускался по вьющимся спиралью выдолбленным в камне ступеням, пытаюсь проникнуть сквозь завесу тумана, но, сколько бы ни шел, все равно оставался у вершины. Тогда я брал камень и лепил из него бомбу. Десять килограмм динамита взрывались по команде, обрушивая часть опорной стены, но туман так и не рассеивался.

Я не раз бывал в чужих снах, умею творить из здешней реальности почти любую вещь. Но я осознаю, что покинуть Замок не получится.

Именно тогда мозг начинает сверлить тревожная мысль – а во скольких снах я бывал? Сколько времени торчу здесь? И каково это – жить в реальности?

Многие сноходцы оставались жить в чужих снах, предпочитая вязкий пластилин нематериальных образов железобетонным основам реального мира. Но, чтобы сделать окончательный выбор, нужно знать каково это – жить не во сне.

Я хочу вспомнить, но вылавливаю из грязного пруда памяти вместо жирных карпов только рыбы скелеты, да покрышки. Оборванные моменты, забытые эмоции. Я, корпящийся над кричащим человеком в пропитанном кровью халате. Я врач? Я маньяк? Я кат?

Снаружи холодно и гуляет озорник-ветер. Старик Йен кутается в побитый молью полушубок, почти натянув шапку на глаза и высунув из под шерстяного шарфа свой длинный нос. Он жалуется на насморк, проклинает старые кости и ворчит, что мы отрываем его от дела. Он постоянно поправляет норовящие разлететься в разные стороны страницы рукописи, твердя, что еще немного и допишет трактат.

Он всегда так говорит. Я уверен – за все время, которое мы здесь, он не написал ни строчки. Чужие сны не опасны только для останавливающихся проездом. Чем дольше мы находимся здесь, тем больше правила и законы, действительные для этого места, довлеют над нами, стирают память, делая своим фоном.

Анна постоянно об этом говорит. Она боится признать, что это именно Замок убил Сальву.

Она стоит возле самого края балкона. Карниз в этом месте искрошился, часть плит раздроблена, словно великан ударил по ним палицей. Она рисует пейзаж, укрепив холст на пахнущем лаком мольберте, и говорит с Замком. Я кладу дымящую трубку на столик, обнимаю ее за плечи, успокаивая. Заглядываю через плечо.

Что на картине, что перед глазами – клубы тумана воцаренного цвета. Вдалеке еле-еле видны острые пики скал, таких же, как и та, на которой покоится Замок. Из-за нагромождения темно-бежевого марева создается впечатление, будто горные породы двигаются, скользят на льду. В наброске Анны горы имеют четко выраженные силуэты. В ее видении они похожи на танцующих, молящихся, тянущих к небу нереально длинные руки девушек.

Анна сбрасывает мою ладонь и гневно произносит:

– Ты снова пытался проделать дыру во сне.

– Ты видишь меня насквозь.

– Из-за тебя, Андре, я не могу достучаться до сновиды. Я почти смогла пробиться к нему, но теперь снова кричу в пустоту.

Анна думает, что сможет заставить видящего сон выпустить нас и постоянно беседует с Замком. Она уверена, что мы застряли в подсознании коматозника – только так по ее словам можно объяснить затянувшийся сон.

У меня на мгновение возникает чувство, что она готова дать пощечину, но Анна только отталкивает меня и садится на высокий стул. Поправляет короткие, вьющиеся барашком волосы. Протирает платком маленькие очки с круглыми стеклышками в тонкой

серебряной оправе.

– Мне осталось немного, всего пару дней, – говорит Йен. Он нарочито выводит особенно большой вензель в подтверждение своих слов.

– Йен, – мягко говорю ему. – Если бы ты мог написать трактат о снах, ты бы давно закончил его. Замок мешает тебе завершить труд. Он и мне не дает сотворить выход.

– Но я почти...

– Йен, послушай меня внимательно. И ты, Анна, тоже. Сальва нашел выход, он отыскал Книгу. Я уверен в этом так же, как уверен в том, что он не убивал себя.

Они настороженно смотрят, ожидая, что же я скажу. Я собираюсь с духом.

– Его убил Замок. Замок есть альтер-эго сновидца, возможно, мы находимся в сознании коматозника, или больного нарколепсией – я не знаю. Но, безусловно, Замок хочет от нас избавиться. Мы должны отправиться на поиски Книги немедленно. Она припрятана где-то внутри Замка, в одной из комнат. Отыскав ее, мы найдем выход.

– Я попробую еще раз поговорить с хозяином места, – неуверенно говорит Анна. – Убедить его не делать нам больно.

– Анна, Сальву убили, понимаешь? Он умер, это факт. Ты действительно хочешь вести беседы с убийцей?

– Ты прав. Мы обобщем комнаты вместе...

– Нет, – говорю я и направляюсь в полумрак гостиной. – Разделившись, мы найдем ее быстрее. Неизвестно, сколько у нас осталось времени, перед тем как Замок нанесет следующий удар.

Они неохотно следуют за мной. Они боятся умереть не проснувшись. Как и я.

***

Говорить о логике сна бесполезно. Она умирает, предоставляя резвиться на этом девственном поле страхам, желаниям, воспоминаниям. Даже мы, сноходцы, не можем в точности дать определение снам. Мы можем только путешествовать по ним, посещать выстроенные чужими людьми миры, беседовать с ожившими персонажами книг или историческими личностями. Закон один – не беспокой сновиду, если не хочешь «выпасть» из сна.

Я иду по древней анфиладе, состоящей из просторных, стоящих полукругом комнат. Справа от меня высятся громадины стрельчатых окон, которым позавидует любой готический собор. Витражи на некоторых выбиты. Стекло, тонким слоем лежащее на полированном паркете, хрустит под ногами.

Тусклый свет проникает в коридор. Здесь тоже холодно, по-осеннему. В углах наметены кучи палой листвы. Оттуда тянет перегоном и падалью. Я застегиваю курточку, новая кожа приятно похрустывает. Заглядываю в первую комнату.

Замок в этом сне не постоянен. Можно направляться в каминный зал, надеясь погреть руки над огнем и попасть в поросшее бледными грибами и мхом подzemелье. К этому привыкаешь со временем.

...Я вижу казнь. Чернь беснуется, ожидая начала действия. Полуголые женщины, не стесняясь, предлагают себя за монеты, немые горожане в обносках щерят в гнилом оскале редкие зубы. И среди этой пляски смерти заметно только одно движение. Немолодой человек в сюртуке и тонких темных штанах направляется к эшафоту с радостью, словно идет на свадьбу...

Отворачиваюсь. Станный образ, такое ощущение, что именно этот человек лишний в постановке, а не влекомые жадой убийства порочные люди. Следую дальше, надеясь, что именно я найду Книгу.

Кто прибыл сюда первым уже и не помню. Точно знаю, что попали в Замок поодиночке. Сноходцы предпочитают сольные прогулки. Сновидение – личное переживание, делить его никому не захочется.

Но на этот раз все получилось с точностью наоборот. Мы не могли уйти из сна, не помнили, где находится выход. Тогда Йен и предложил план.

...Длинный, уходящий за горизонт дощатый пол. Я чувствую запах опилок и хвои. Вдалеке ассиметрично покоятся головы здоровенных собак. На их острых ушах восседают женщины, у которых вместо волос вплетены розы, лилии и кувшинки...

Покидаю очередную комнату со смешанными чувствами. Где-то я видел подобное. Может быть, в другом сне?

В полу появляются трещинки. Узловатые и морщинистые, они свивают собственный узор, похожий на гроздь винограда. Я меняю зыбкую материю сна и делаю гроздь материальной, пробую спелые бусины на вкус. Терпко и сладко, но я предпочитаю вино.

Йен напомнил нам, что и во сне можно заснуть, а невозможно погрузиться в собственный сон, не покинув этот.

Оставалась одна загвоздка. Замок не давал нам заснуть. Анна предположила, что здесь просто не существует такого понятия, как «сон».

Тогда Йен решил написать книгу о снах прямо здесь, в Замке, сделав, таким образом, сновидения допустимыми в этой реальности.

Сальва ухватился за идею Йена, как утопающий хватается за спасительный круг. Но его стремительная натура отказывалась признать авторство старика. Возмутитель спокойствия присвоил его себе, несколько доработав фабулу. В то время, как Йен делал потуги в сочинительстве, Сальва раз за разом углублялся в Замок, утверждая, что книга на самом деле есть, просто ее нужно найти.

... В жаркой пустыне стоят и не шевелятся люди. Рядом с ними скрежещут каменными суставами статуи. Солнце всходит и заходит, образуя замкнутый круг, словно видишь трехмерное GIF-изображение. Каменные тени ведут себя словно актеры в театре абсурда, у людей же их и вовсе нет...

Странная комната, где люди похожи на статуи, а статуи на людей. Впрочем, в жизни мы часто скрываем свои чувства, заменяя их маской безразличия.

Поднимаюсь по пандусу на верхний этаж и попадаю в оранжерею.

Всюду стоят лишенные лиственного покрова трупы деревьев. Кидаю поредевшую гроздь на кучу гнилых яблок, отираю руки о курточку, наслаждаясь поскрипыванием ладони о выкрашенную в кофейный оттенок кожу.

Передо мной высится крест с распятым младенцем-Иисусом. Крестовина и малютка на ней состоят из правильных с точки зрения геометрии квадратов. Со стигматов каплют кубики кровавого багрянца. Из глаз новозаветного пророка один за другим выползают муравьи.

Поневоле передергиваюсь. Вспоминаю еще один фрагмент из реальной жизни.

В ней я не верю ни в одного из богов. В ней нет ни одной идеальной линии, все сугубо индивидуально, не поддается ранжированию и системе оценок хорошо\плохо. Или поддается?

Из соседней арки, накренившейся, словно Пизанская башня, появляется Анна. На ней невесомая блузка василькового цвета и темно-красные джинсы.

– Пусто, – устало сообщает она, задумчиво глядя на кубического Иисуса. Я читаю ее эмоции, словно открытую книгу – сомнение, догадка, воспоминание, вопрос. Ее одолевает чувство дежа-вю, как и меня – Книги нигде нет.

– Возможно, Йену повезло больше, – замечаю я. Меня гложет разочарование. Я ошибся, и Книги не существуют.

Мы идем по извилистой аллее. Пролезаем в невысокое углубление, похожее на нору кроля-переростка.

– Я не прочь сыграть в крикет с Королевой Червей, – шутит Анна.

Я смеюсь и игриво подталкиваю ее вперед. Мы попадаем в ухоженную залу с тысячей горящих свечей и вязким полом. Приглядевшись, я понимаю, что стою на циферблате гигантских часов, больше похожих на подгоревшую пиццу. Вязкие стрелки медленно

сползают к пропасти, покидая границы круга. Многие цифры превратились в вязкие клаксы. Пока еще сохранились единица, двойка и четверка, но и они тоже начинают движение вдоль по наклонной.

Время постоянно убегает от нас. Неужели у Замка появилось своеобразное чувство юмора?

– Смотри, Андре! – восклицает Анна. Она первой замечает Книгу.

Я молчу. На душе кошки скребут. Никогда еще не чувствовал себя таким идиотом.

Книга находится на самом краю пропасти, чуть покачивается, балансируя краями. Под ней лежит то, что осталось от Йена. Он умер не сразу, понимаю я. Возле придавленного тонной гранита человека заметны глубокие красные борозды, оставленные от стесанных ногтей. Он до последнего цеплялся за жизнь, но она утекла по каплям, как и время, медленно сползавшее в темный зев пропасти.

Высеченная из цельного куска Книга дразнит нас названием:

«Сновидения»

Иероним Б...

– Фамилия Йена не высечена в камне. Его убили совсем недавно, – догадываюсь я.

Мы с Анной тратим ментальные силы, возводим блоки из зыбкой материи, защищаясь от убившего Йена нечто. Перед нами подобно траве вырастают могучие стены, скрепленные арматурой. Зубцы на верхушке походят на клыки зверей. Везде, куда ни помотришь – острые колья, шипы и кипящие лавой рвы. Свет свеч становится приглушенным, и пространство существенно сужается. Мы разгневали Замок активными действиями. Может быть, теперь он пошлет своего протеже разобраться с нами лично?

Удерживать такое нагромождение собственной фантазии нелегко. Я теряю последние силы и зову:

– Анна, куда ты подевалась? Помоги мне.

Она отвечает не сразу. Голос Анны отдает хрипотцой и презрением:

– Я еще в Зеркальной комнате задумалась: почему Сальваро сам не принес Книгу? Почему не разослал записки всем нам? Почему выбрал именно тебя?

– О чем ты? – Пот градом льется по моему лицу, стекает за воротник куртки. Я делаю невозможное – удерживаю блок и отвлекаюсь на разговор.

– Это сделал ты, – Анна стоит возле корешка Книги, кусая губу. Обвиняющее указывает маленьким пальчиком на кровавую размазню, оставленную пальцами Йена. – Я знала, что Замок не виновен. Ведь Он отвечал мне, я почти уговорила Его открыть проход и тут вмешиваешься ты.

– Анна, я не понимаю...

– Ты заставил нас отправиться на поиски книги, – она сжимает кулачки и отступает к стене. Камень становится склизким, оседает подобно лимонному желе; арматурины змеями свиваются в кольца и уползают в неподатливый грунт, оставляя едва заметные дырочки. – Разделил нас, добрался до каждого поодиночке. Но зачем? Зачем ты это сделал?!

– Анна, вернись, ты рушишь стену и облегчаешь Замку задачу, – терпеливо уговариваю ее, пытаюсь подойти ближе и вдруг понимаю, о чем толкует Анна.

Кровавая размазня Йена оказывается бегло начертанным именем. Моим именем.

– Йен узнал истинного убийцу, – зло говорит Анна. Она ломает последнюю преграду, зубцы падают, вклиниваясь между разломом, рассыпаются прахом. – Это был ты, Андре. Все время это был ты.

Я пытаюсь ухватить ее за локоть, прижать к себе, но Анна ловко, по-французски, изящно уворачивается и покидает разваливающийся неприглядными глыбами бетона бастион. Она плачет и молит Замок защитить ее от меня.

Я вижу вспышку и слепну на миг. Когда зрение возвращается ко мне, я понимаю, что остался здесь совсем один. Анна больше не убегает. Она не может этого сделать, потому что превратилась в огромный негатив, отображенный только в двух плоскостях. Темное

лицо выражает страх и ужас, светлые одежды выглядят на ней чересчур оптимистично.

Раздается гонг. Перед тем, как упасть в пропасть, стрелка часов смещается и указывает на арабскую цифирь четыре.

Один глаз Анны протыкает серебристое острие. Я слышу экспрессивный голос мертвеца и вконец теряю связь с реальностью. Кажется, Замок сводит меня с ума.

– Анна любила, когда зрачок чуть выступает вперед, – порывисто говорит Сальва. Он позерски выходит из тени, чуть виляя бедрами на манер рыночной потаскушки. – Они делали ее более нежной.

***

– Да-да, это я все затеял.

Сальва делает глубокий поклон. Колокольчики на его сюртуке мелодично звенят. За щекой он сосет леденец, словно пародируя меня. Я безумно хочу затянуться, но понимаю, что оставил трубку на балконе вместе с мольбертом Анны и незаконченной рукописью Йена.

– Моя смерть была перфомансом, – Сальва вытаскивает леденец изо рта за палочку и дирижирует им в воздухе, разбрызгивая остатки слюны со сладкой поверхности. – Судя по вашим отвратным рожам, мне удалось удивить аудиторию.

– Сальва, почему?

Я устал и говорю брюзгливо. Сал кривится, он ненавидит в людях скуку и обыденность. Ему нужно поражать всех и каждого, ему нужны вздохи и рукоплескания, и плевать, если толпа будет негодовать. Ведь недовольство – тоже реакция.

– Потому что я так хочу, – передразнивает он мой тон. – Потому что я прозрел и стал вещим старцем. Потому что я понял: Бог – это Я!

– Ты вышел из ума, – шепчу я и размышляю, хватит ли сил, чтобы тягаться с великим возмутителем спокойствия.

– Наоборот, я в него вернулся, – смеется Сал и колокольчики, пришитые к локтям, манжетам и карманам выдают радостное «динь-дон».

Я качаю головой и отхожу в сторону, не выпуская его из поля зрения. Сил хватает только на одну иллюзию. Маленькую, шуточную и совсем не страшную. Я обречен, но сдаваться на милость, значит умереть. Поэтому тяну время и решаю, чем бы удивить паяца-лицедея.

– Поясни, – плаксиво прошу его.

Сальва благосклонно кивает. Ему нравится чувствовать свое преимущество.

– Книги, как ты уже догадался, не существует. Я побывал во всех комнатах, помещениях, норах и погребках этого проклятого Замка. Не один раз бывал. Тогда я сказал себе – Сальва, ты же бывалый сноходец. У тебя наверняка бывали в жизни подобные моменты. Вспомни, как ты выпутывался из них ранее. И знаешь, что же я вспомнил?

– Ты не смог ничего вспомнить, – наугад говорю я.

– Именно, – он сгрызает леденец и бросает палочку на труп Йена. – И я понял – я не бывал до этого в других снах. Тогда я спросил себя – почему каждая комната в Замке кажется мне странно знакомой? Знаешь, что же мне пришло в голову?

– Что же? – интересуюсь я.

– Да потому что это образы из реальной жизни. Моей жизни. Я осознал – Замок, это Я. Все здесь присутствующие – ты, Анна, Йен – это Мои проекции. Осколки одной цельной личности.

– Я не верю тебе, – обескуражено говорю ему и отодвигаюсь к самому краю пропасти.

– Ты ведь тоже не можешь вспомнить, как посещал другие сны, – Сальва подходит ко мне, дружески хлопает по плечу, лезвие скальпеля будто невзначай прикасается к моему горлу. – И, также как я, узнаешь отдельные фрагменты антуража странных комнат. Мы

одно целое, Андре. Я догадался – обрета цельность, я обрету контроль над Замком, над этим сном. Так как же мне избавиться от вас, моих отражений? Ответ очевиден.

– Это неправда, неправда – в отчаянии шепчу я.

– Управлять вами оказалось легче, чем я думал, – не слушая, продолжает Сальва. – Я знал, что вы ухватитесь за идею с Книгой. Ты всегда обладал даром убеждения, Андре. Поэтому записку я послал именно к тебе. Сфальсифицировать свою смерть оказалось сложнее, но здесь вы помогли мне сами. Списали это на Замок, выдумали себе иллюзорного врага, чтобы было кого бояться и ненавидеть. Далее я нашел Йена, и позволил себе маленькую шалость. Написал твое имя его кровью и Анна купилась на этот розыгрыш, сочтя тебя убийцей.

Скальпель обжигает кожу, по моей шее катится первая багровая капля. Я смотрю ему в глаза и сухо произношу:

– Сальва, почему ты решил, что именно ты – тот, чьими отражениями мы являемся?

– Я сумел добраться до каждого из вас, – Сальва подкручивает тонкие напояженные усы кверху и смотрит на меня сверху вниз. – Именно ко мне пришло озарение. Я достоин этого. Я лишен недостатков. Реальность – это Я. Бог – это Я!

– Слава Богу – я атеист, – отвечаю ему и решаюсь.

Подвластная моей воле материя сна приобретает четкие контуры и объем. Сальва направляет в меня скальпель, но замирает, так и не сумев завершить начатое. Его глаза округляются, нижняя губа подергивается в паническом приступе. На него смотрит глазами-буркалами саранча размером с автомобиль. Саранча трет суставчатые ножки, и мы слышим громкий треск. Сал делает шаг назад. Саранча пригибается, готовясь прыгнуть.

Сальва пытается защититься, сотворить хоть что-то, способное отогнать самый потаенный его страх. Но все усилия тщетны. Саранча прыгает вперед, великий возмутитель спокойствия прикрывает лицо руками и делает последний в своей жизни шаг. Нога соскальзывает с обрыва и Сал исчезает из моей жизни, громко визжа и зовя матушку.

Свечи окончательно гаснут, и меня накрывает абсолютная тьма. Я почти материально могу нащупать ее холодные объятия. Нервно сглатываю и готовлюсь встретиться с неведомым.

И вдруг время изменилось. Все вокруг изменилось. Тьма уступила место полутеням, далекой звездой забрезжил свет. Я потянулся к нему и почувствовал, что и сам изменился. Яркими красками ворвалось прошлое. Я не знал, прав ли Сальваро, но если и так, искренне надеялся, что свойственная ему черта характера никогда не возобладает надо мной.

Я шел к свету и желал только одного – вдохнуть настоящего воздуха, пройти по заваленному пожухлыми листьями осеннему парку, услышать гул застрявших в пробке машин, следить за пролетающим клином журавлей. Я хотел снова почувствовать каково это – жить не во сне.